

КАКИЕ НАШИ МОЛИТВЫ?

«... Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией. Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу».
(ап. Павла к Римл. гл. 8; ст. 26–28)

Господи Милостивый, Ты ведаешь, какой раздрай у нас, (в Церкви) иной раз происходит... Ведаешь, долготерпишь, медлишь... Мы это Твое медление не понимаем и подчас разуверяемся, потому что немощны в вере нашей и скорбим, и унываем, и все-таки стараемся как-то молиться, или хотя бы молитвенно вздыхать.

Еще бы нам следовало постоянно учиться этой добродетели у святых Апостолов, у святых отцов, у преподобных и у мучеников, по вере своей за тебя, Господи, пострадавших. И ни в коем случае не делать своих определений-суждений и каких-то выводов от самости своей, и эти выводы-заключения высказывает, внося распри и подвергая других к осуждению. К сожалению, у нас такие примеры есть: «Вот она упала, разбилась..., и вообще в их доме одни несчастья... Значит, что-то у них не так, что их постоянно Господь наказывает, значит, они не тем занимаются, и не «по-христиански» живут».

«Значит!» Кто дает право такие суждения высказывать вслух и смущать окружающих? Какими, чьими установками руководствуются подобные критики (а бывает, что мы и сами, если не в деле, то в мыслях, поддаемся и вольно или невольно тоже участвуем)? Чьими руководствуемся высказываниями?.. Да ныне подобных суждений ложных, подстраивающихся («под христианство») как говорят — «пруд пруди».

А вот чему учит Апостол Павел: «Поданной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать, но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил...» (Рима. 12, 3).

И еще: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны... Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте... не высоко мудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе...» (там же: ст. 9–13; ст. 16).

Так поучает нас Апостол. Но мы, следует признаться, читаем его не часто, не постоянно, а вот такие слова мы читаем каждый день, в вечерних молитвах:

«...Греху брата моего посмеялся, моя же суть бесчисленная согрешения» (3-я молитва на «сон грядущим»). Читаем! Но не уразумеваем... а тут же забываем, и, как только представляется случай, осуждаем... И выносим приговор, как судья... А кто у нас Судья?! Это мы тоже забываем.

Или, разве мы не читаем в псалмах? (мы же хвалимся чтением Псалтири...) таких слов: «Господь да поможем ему на одре болезни его: все ложе его обратил еси в болезни его»... Господь да поможет!!! Слышите! А мы говорим-судим, что «как-то он или она не так живет». Не безумие ли это, или не высокоумие ли?

Всякий раз Церковь, совершая память тому или иному Апостолу, поет ему величание: «Величаем тя, апостоле Христов... и чтим болезни и труды твоя, ими же трудился еси, во благовестии Христове». Мы слышим? «Болезни»... и всяческие скорби... каких только их, скорбей, у них у апостолов не было? И несколько суток в море утопая, и заключения, и побои, и от братии искушения... и все принимая с радостью, в подражании учителю своему — Христу Спасителю, а отнюдь не ища комфорта и, точно уж, не утверждая, что «христиан, если по заповедям живет, все у него бывает, должно быть: «хорошо!» Да, действительно у кого-то бывает (и бывает длительно): все хорошо и ладно. Но, во-первых, не известно, каково нутро, каково сердечное состояние отдельного христианина или целой семьи, а во-вторых, и это, кажется, главное, когда, все-таки, подступит скорбь или болезнь, когда последует проверка-экзамен, человек увидит (Господь ему покажет), насколько он окажется состоятельным духовно... Выдержит ли, сдаст ли экзамен на «аттестат зрелости»? А «билеты» на экзаменах как раз «про болезни, скорби и труды», а не что иное.

Или вот еще, образчик наших молитв из авторитетного источника (газета «Радонеж» № 10 2017 г.). Протоиерею Дмитрию Смирнову и его со-вопроснику и со-собеседнику протоиерею Александру Березовскому ЗАДАЮТ вопрос: «Есть редкие молитвы к Божией Матери, которые читали святые люди разных столетий. Благословляется ли православному человеку произносить эти молитвы?».

Отец Дмитрий отвечает: «Не только православные. Я не против, если и баптисты будут читать эти молитвы. Может, у них откроется любовь к Божией Матери?»

— Вообще, у людей постоянно наблюдается мистическое отношение к молитве... (это, видимо, другой батюшка пытается прояснить вопрос), а отец Дмитрий его поправляет: «Не мистическое, а магическое, это совсем другое дело. У большинства людей на Земле к молитве совершенно магическое отношение!»

— Молитвы делят на сильные и несильные...

— Да, сильные молитвы — это чистая магия.

— Ещё некоторые молитвы люди даже боятся читать. Они считают, что это какие-то запрещенные молитвы, которые ни в коем случае нельзя произносить. Это тоже магия?

— Конечно, магия (утверждает отец Дмитрий Смирнов), магическое сознание возникает у человека в тот период, когда он потерял Бога, а религиозное чувство у него осталось. Так и возник магизм. Человек наблюдал некоторые закономерности и пытался наладить связи с высшими силами. И это осталось до сих пор. Для людей, которые не знают Бога, для них — космос, карма, аура, энергия...

— Про иконы говорят, какая от них энергия...

— Вот это — чистая магия!»

Очень непростой, как кажется на первый взгляд, вопрос, а ответ требует разъяснений, но это в другой беседе.

Был праздничный вечер. Меня пригласили на ужин. Дружеская трапеза с вином и дичью. Редкое в наше время угощение — рябчик и еще какая-то птица, но в семье есть охотник и друг его, тоже охотник. Дичи, говорят, в этом году было много: «стреляй, не хочу». Жены заботливо оформляли и дополняли кушанья, и вечер представлялся быть поистине праздничным.

Так и было. С одной печальной ноткой для меня. В центре стола среди множества разнообразных кушаний чуть возвышалась скульптурка — бронзовая, женская рука, держащая на пальчике, или выпускающая из ладони птичку. Может, синичку, а может, и воробушка. Очень изящная и трепетная вещица.

Оказывается, хозяин — скульптор Сергей Мальков, незадолго до этого вечера исполнял заказ — некий приз за какие-то детские или юношеские соревнования (может быть, литературного характера), и сделал второй экземпляр, для себя, потому что лепил он ее с натуры — позировала его жена, Елена. Моя «печальная нотка», заключалась (или, точнее, возникла) от воспоминания — ощущения, еще живущего во мне. Когда мы с отцом Виктором отпевали мою матушку Ларису, то «разрешительную молитву» читал я. И когда вложил молитву в руку ее, тоже «трепетную и изящную», то ощутил каждую косточку на запястье, их легко можно было пересчитать, и спазм под названием «самое последнее касание руки дорогой моей матушки» едва не свалил меня с ног (ну не совсем уж так, но что-то близкое к этому). А сейчас за столом невольно получилась пауза, из-за моего пристального рассматривания...

Рядом сидящий гость из Нижнего Новгорода листал сборник стихов Николая Рубцова и вдруг произносит вслух: «И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенье...»

Еда была вкусная, вино доброе и беседа получилась интересная. О творчестве, о необходимости его. Понятно, если Господь благословит и дни наши продлятся.

Меня довольно часто мучал вопрос — зачем я занимаюсь живописью? Когда выпадало время, я возвращался к «ненужному» холсту, отвернутому к стене. Объяснения такому состоянию не было...

Осенью этого года приехала к нам из Нижнего Новгорода старая знакомая, привезла ксерокопию статьи о художниках о. Василии Варлаамове и его матушке Инне, искусстве, датированной 16 августа 2006 года. Статья извлечена из архива в связи с трагической кончиной матушки Инны (в сентябре 2017 года, а о. Василий без вести пропал в Святой земле 2013 года). В статье Инна (как человек православный и как искусствовед) дает нелестную оценку искусству постмодернизма. А отец Василий отвечает на вопросы журналиста, и в одном из ответов, мой вопрос «зачем», навсегда исчез. Так просто.

Его спросили: «Не смущает ли ваших прихожан, что их батюшка еще и художник?»

— Есть и такие, кто не понимает, зачем нужны картины. Я объясняю, что обязательно надо писать, надо творить! Только человека Бог наделил этим даром, даже ангелы без благословения Божия не могут творить.

Конечно, мы не можем творить из ничего, как Господь, но Он дал нам в руки краски, кисти. И если мы выполняем Его волю, то и наше творение освящается («Ведомости Нижегородской Митрополии»).

Человека наделил Бог даром творчества!

Или вот пример из другого номера той же газеты. Об иконописцах и кустарях из города Павлова. По иконе вопроса «зачем» никогда не было и не будет, а вот о кустарях, делающих сувенирную вещицу, вопрос поднимает.

На вопрос журналистки, есть ли в Павлове современные мастера, директор Павловского исторического музея Николай Федотов отвечает: «Самый известный — миниатюрист Павел Куликов. В 1980-х годах он увлекся микротехникой, стал делать сначала миниатюрные складные ножи размером от 10 до 1 миллиметра. В 1990-е сделал замок весом в десять сотых грамма и ключик в три сотых грамма. Павел работает под микроскопом и использует инструментарий, который сам разрабатывал... Эти миниатюрные кованые изделия можно увидеть только под микроскопом. Они есть в нашем музее».

После такой информации ясно становится, откуда есть пошла развиваться микротехника, без которой мы ныне не мыслим своего существования. И так вопрос «зачем» напрочь исчезает. А вот суждение известного педагога, профессора, заслуженного деятеля искусств России Николая Николаевича Третьякова (Из его книги «Образ в искусстве».) Он говорит об искусстве, о композиции. Самый простой кустарь интуитивно следует ходу его мысли, своим творчеством подтверждает ее.

«В композиции осуществляется связь частей, образующих целое, поэтому композиция противостоит хаосу. Она есть созидание, а не разрушение, и в таком изначальном смысле является отражение вещей духовного порядка.

Основные закономерности композиционного целого в конце концов проистекает из Божественного замысла самого мироздания, построения пространства с его глубиной и высотой, взаимосвязи его частей, их «соразмерности и сообразности».

Однако в этой области вряд ли возможно все объяснить, исследовать, как пытаются сделать некоторые современные искусствоведы.

Композиция — очень сложное явление (ее нельзя путать с компоновкой предметов), это дар сочинять, слагать, изобретать и составлять. Как во всяком даре, в основе композиции, в рождении образа всегда сохраняется тайна. Постичь ее путем рационального анализа невозможно. Именно удивление перед ней, восхищение, стремление разгадать ее, вызывает сопереживание зрителя, слушателя, читателя — и тогда рождается эта волнующая сопричастность:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»

И еще Н.Н. Третьяков ссылается на А. С. Пушкина, который в свое время решая вопросы подобного рода (творчества, искусства) высказывал: «И я, в конце концов, пришел к этому утверждению, что человек нашел Бога именно потому, что Он существует. Нельзя найти то, чего нет, даже в пластических образах, — это мне внушило искусство...».

Благодать Божия незримо присутствует во всех творческих (и молящихся) людях, даже и в атеистические времена (в коих трудился — преподавал и Н.Н. Третьяков). Святая Русь — Россия всегда порождала молитвенников, «левшей», смогающих подковать английскою блоху, изобретателей, музыкантов и художников слова и кисти, продолжающих прославлять русское искусство, изобретательство, русскую мысль.

*«...если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!»
Ап. Павел (1 кор. Гл. ст. 16)*

Когда совершается хиротония, то есть епископом возводится человек в сан священства, то ему, иерею Церкви Христовой, благословляется (вменяется в обязанность) совершать все таинства Православной

Церкви (Кроме одного — посвящения во священники. Такое право принадлежит только епископу.) и вменяется в обязанность — благовествовать-проповедовать, научать, по слову Христа: «Идите, научите все народы...» (Мф. 28, 19). И, значит — проповедь-поучение одно из главных дел священника. А если проповедь еще и напечатана, то священник ставит себя на суд не только Божий, но и людской. Слово (сказанное) «улетело» (не от Бога, конечно), а слово напечатанное может оказаться спорным, а священник вдвойне ответственным. Потому, когда священник, начиная проповедническое слово, говорит: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и, следовательно, только в этом свете — в «мире Христовой Церкви» все должно провозглашаться. Но мы же знаем, что жизнь сложна и запутана («путанник» всегда имеется и действует), а страсти наши и эмоции свойственны всем людям (священникам тоже), а еще в Ветхом Завете наставляли: «Всякое слово Бога чисто; Он — щит уповающим на Него. Не прибавляй к словам Его, чтобы Он не обличил тебя, и ты не оказался лжецом.

Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: «Кто Господь?» и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притчи. 30: ст. 5–9).

«Думаете, молчать было легко? Требовалось понуждение себя, усилие над собой. Конечно, были помыслы, один, другой, третий, но слово Старца необходимо было соблюдать. Мы боялись нарушить наказ Старца, не разрушить наше послушание и, как следствие, молитву.

Поэтому-то мы и не разговариваем.

(Старец Ефрем Филофейский «Моя жизнь со старцем Иосифом».

Глава: «Молчание» стр. 106)

Молчание — добродетель величайшая, редких людей — монашествующих-отшельников... Но у них были ученики...

И вот в их молчании непременно есть (должен быть) «предмет разговора» — мысль о Боге... В этом их общность, возможность пребывания друг с другом... То есть: если не о чем говорить, то и не о чем молчать... А такое обстоятельство может оказаться невыносимым, но только для обыкновенных людей, а не тех, которые знают цену этой добродетели.

Надмогильная надпись младенцу:

Одним цветком земля беднее стала,

Одной звездой богаче небеса

А блуждающие планеты, обнаруженные учёными, это нераскаянные души грешников, отпавших «во тьму внешнюю», потерявших траекторию Христа?

В «богатых небесах» есть «блуждающие планеты»?.. Там все есть. Еще и «черные дыры». Но это названия человеческие, а названия Божии будут нам озвучены в Той Стране.

«Когда интерьеры остаются без живописи, без идейной, эмоциональной, наконец, без колористической поддержки, вещи сливаются в монотонную массу. С отчаяния они сами стараются занять место живописи: в комнатах, на полках и подоконниках, везде, где только можно приютиться, выстраиваются сувениры, различные безделушки, которые воспринимаются, как мертвый хлам (тоже мешанство). И, наоборот, там, где вещи органично сочетаются с живописью, где в интерьерах есть

соответственно место картинам, — там наш быт прекрасен, разумен, своеобразен, эстетически полноценен.

Говорят, что истинная красота спускается на землю на нежных крыльях скачочной птицы. Кто знает, может быть, нашему эстетическому благополучию больше всего не хватает именно шелеста крыльев живописи?» (Из статьи в журнале. «Советская живопись», 1974 г.).

Может быть, поэтому дети (большинство детей) инстинктивно и за просто изображают (при чутком руководстве учителя) самые неожиданные картины.

На исповеди одна женщина печалится: «Не смогла своим детям привить веру в Бога. Дочь ходит в храм редко. Сын крест не носит, в храм не ходит (говорит, что не отвергает Бога). Внучки (15 и 18 лет) в храм почти не ходят. Маленькую внучку, пятилетнюю, вожу в воскресную школу. На Новый год она мне сказала: «Бога нет»... Как на это реагировать? Обидно...»

Что на такое можно ответить? Вряд ли ответ окажется полным, достаточным...

В начале следует сказать, что, к сожалению, это совсем не единичный случай и подобных высказываний достаточно много.

К сожалению!.. «Как реагировать?»

«Обидно!» — не то слово. Мы мало чего делали, чтобы дети наши и внуки обретали Бога... Попробуй с внучкой поговорить — спросить ее: «А воздух есть вокруг нас с тобой?.. А где он? Его же тоже не видно... Давай, зажмем тебе носик на пять минут и узнаешь, что без воздуха можно (и непременно, если не отпустить руку, зажавшую его) задохнуться... Так вот и без Бога весь мир человеческий «задохнется» — исчезнет».

Надо найти (взять из интернета) карту звездного неба и поучиться вместе с внучкой размышлять по поводу устройства Вселенной...

Дом кто-то построил. Самолет кто-то конструировал. Вселенную кто-то создал... Бога не быть не может... Человек может отказаться от Него, но у такого человека не будет должного порядка и программы, а будет хаос, и другой бог — диавол, уводящий в дебри — имя которым: Тьма и Ад. То есть то, что вне Бога, кто вне Бога, такой человек погибает, какой бы талантливым или способным он не был.

Почему? Потому что (к примеру ученый, отвергающий Бога, сам того не сознавая, или не желая сознавать, пользуется тем самым порядком, установленным творцом (вспомним, как другой ученый, который не мыслил мир без Бога говорил: что он удивлен двумя вещами: звездным небом и законом нравственности (совести) заложенном в человеке).

Он (неверующий ученый) имеет ум (Божий), который ему — ученому — ну никак не принадлежит... Он даже родился на этот свет не по своей воле, а по желанию родителей. Он, как и любой человек земли, каждое утро видит солнце и порядок дня и ночи, что в небе и на земле. А «ученый» в гордости своей, почему-то это все не желает видеть, признавать (или приписывает всю удивительную космическую гармонию какой-то слепой и неразумной системе).

У Бога есть «антибог» — диавол, и он «делает работу» (из зависти к Творцу-Богу), уводит души людей от спасения. Уводит тех, которые попадают на «его удочку» — соблазн ко греху...

К сожалению, в настоящее время мир пришел в такое состояние, что таких людей, соблазненных красотами мира сего, очень много... Но это обстоятельство не меняет сути дела, сути вопроса. Это говорит только о непрестанной борьбе. И в этой борьбе человек вынужден всегда участвовать, то есть выбирать, что есть Божее, а что от противного.

И у всякого человека есть такой «орган» — совесть (тоже невидимый как и Бог), а жизнь, как известно, есть борьба!.. Прежде всего за душу, а потом уже за хлеб...

Его Высокопреподобию протоиерею Владимиру

Сердечно признателен, дорогой отец Владимир, за твое постоянное внимание с праздничными поздравлениями.

Телеграмму послал, так как опять не успевал с письмом. А письмо собирался написать аж от Пасхи. Более того (к стыду своему), всякий раз после очередного праздничного поздравления твоего намеревался сообщить об изменении адреса (иногда мне передавали их более чем через месяц, оказывается, ленив и неповоротлив не только я, каюсь).

Уже шестой год я служу в другом храме. И если жив буду, к Рождеству надо посылать по адресу, который будет на конверте.

Я понимаю, ты необыкновенно занят и твой крест тяжел...

Ты спрашиваешь, как мы живем. Матушка, кажется, не менее двух лет почти не выходит из дома. В Нижнем, у внуков, все это время не была, даже при условии автомашины от дома до дома. Сын, когда привезет всех своих, повидается. Причащаю я ее дома. Причину долго объяснять. Кроме физических недомоганий и болячек, думается, есть и недомогания духовного порядка, но я осуждаю ее за не дерзновенность (как будто сей добродетелью сам блещу). Ее подруга, не менее больная, полагает на себя труд — ходить, ездить в храм... Может быть, я и в этом погрешаю.

Сергиевский храм, в котором мы раньше служили, все так же стоит не восстановленный. Все это время молятся в бывшем детском саде, где у нас была воскресная школа. Воскресная школа есть и сейчас и, м. б., лучше нашей, но знаю, но храм рядом стоит все в том же состоянии и подвижек не видно. Виновник — кризис. Не может же быть виновником архиерей... И я, конечно же, уже не ругаюсь. Владыко не только низвергает (что м. б. и поделом), но и награды дает. Тогда меня перевели в молебный дом Покрова Пресвятой Богородицы, рядом строился (стеклозаводом) храм. Год назад было его освящение. Все как полагается, иконостас, росписи стен — Софринское, золотое, и люди в восторге, кроме художников, немного понимающих иконописные традиции. Но я в нем и не служу (думаю, что, не злорадствуя, говорю), или почти не служу. Вот на Серафима Саровского и на Макария Желтоводского служил, потому что молодые батюшки были вызваны в Дивеево и в Макарьевский монастырь.

Служу я (пока, Слава Богу) в молебном доме, приписанном к выше указанному Покровскому храму, его клириком являюсь в настоящее время. Когда-то (лет 12-13 назад), будучи благочинным, мы этот приход зарегистрировали на основании разрушенного (в 300 метрах отстоящего) храма Благоверного князя Александра Невского, в бывшей начальной школе. Ныне приход лишили юридического статуса и приписали к Покровскому храму. Три года уже, как мы в нем сделали евроремонт, кроме репродукций в иконостасе ее (бывших изначально), мы обзавелись несколькими настоящими иконами, и стало очень прилично. Наши «сергиевские», некоторые, приезжают. Это примерно 6 км от центра Бора, и состояние семьи, общины, кажется, ощущается. Для себя я называю: «У нас на Карулях». Но не вслух. Из наших прихожан там бывал только я, милостью Божией.

Иногда умираю (м.б. чуть преувеличенно), иногда говорю — послужить бы еще. В эту Пасху подумалось: «Может быть, последняя». Если доживу до Рождества, то через несколько дней мне исполнится 75 лет, а с этой цифрой могут и в заштат отправить. Но это я так, от болтливости своей. Понятно, что милостью Божией живем. И умираем.

Матушка постоянно повторяет: «Вот я умру, тогда поезжай куда хочешь». Отсюда следует то, что я даже к внукам лишний раз не могу съездить, а бывает надобность и в Кинешму, и в Москву бы.

Ольгин (дочернин) сын живет в центре Бора в нашей бывшей квартире, (а я с матушкой на окраине, в своем доме, купленном после

Кинешемского, тоже примерно в 6 км от центра). У него есть дочка, без малого 3 года и, значит, наша правнучка. А у сына пятеро. Старшей в мае исполнилось 21, а младшей 9.

Не могу избавиться от зуда написать еще одну картинку. И не хочу избавляться, но обстоятельства не позволяют. Запах масляной краски матушка не терпит, да и времени не оказывается.

Научился варить суп, рыбный. Особенно хорошо бывает, когда дочь с зятем пришлют судака. Они живут в 100 км от Бора, на Волге, одно название чего стоит: «Великовское». Они продали квартиру в Подмосковье и строятся там (а до того лет 10 назад ездили туда по летам, как бы на дачу). Готовить такой суп очень просто. Закидал всё подряд: капустные листья по стенкам кастрюли, картошку, лук, морковь и судака, чуть попозже (точно как щи из топора у солдата), и больше ничего не делай, даже не мешай... Но время все равно нужно, а есть еще и другие дела...

Отрабатываю. В молодости, прикрываясь этюдами, отлынивал в родительской семье от хозяйственных дел, а Геннадий (наш будущий старший протоиерей) звался «хозяином» и за меня (за старшего по родству — «любимчика») вкалывал. Нехорошее слово, но подходящее. От кочегарки отлынивал — а в Кинешме 14 лет топил кочегарку. Хорошо бы зачлось (мелочи бытовые, а тоже бы Ему зачесть).

Сегодня «бедная живопись» в мечтах остается. А матушкин возглас или упрек («Ты же священник. Зачем тебе это нужно?») оказывается в силе. Но опять же оправдание: «Апокалипсический этюд» (такое условное название) нужен, и стало быть, творческий зуд продолжается. Беда, если вдруг не продолжается священник.

Кругом у меня завалы. Нигде нет порядка. В одном только, может быть, есть некоторая упорядоченность — итог какой-то, в книжке вот. Не в том смысле, что я что-то из себя представляю (дилетант во мне остается), а в том, что хоть что-то приведено в порядок, вроде бы какой-то отчет.

На днях в «Фоме» увидел статью Владимира Легойды «Божественное веселье веры» с портретом Сергея Иосифовича. Всплывают воспоминания, как два светлых юноши с мамой Евгенией и женой Ольгой предстали у крыльца покровского дома, и с тех пор мы носим в памяти и в сердце дружескую (как можем) молитву друг о друге, и о «крестном» нашем отце — Сергие.

Прости, что отнял у тебя много времени, что не аккуратен в ответах письменных на твою любовь и память. Стараюсь и я не забывать всех ваших, кроме внуков, которых у тебя, чай, с дюжину.

Просим и ваших святых молитв мы с матушкой, которая вам кланяется. Хотя она многих не помнит, но отца Владимира помнит. Поклон еще и о. Александру Салтыкову. И Ирине, которая у вас в канцелярии. М. б. ей интересно будет, вторую книжицу вручи.

о. Евгений 17 августа 2011 г.

Мы знаем народное выражение: «Яблоко от яблони недалеко падает». И когда человек пользуется таким выражением, то он хочет сказать: «Ну что можно ожидать от сына (или от дочери), если родители его (её) — непутевые?..»

В жизни именно так и бывает, чаще всего...

Ещё говорит народная мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь».

Но нет правил без исключения... Бывает: сеят доброе семя, а всходят и сорняки, вместе. То есть в мире действует диавол, как и по Евангельской притче... Срабатывает «среда», с кем поведешься...

Так вот — исключение: житие великомученицы Варвары. Отец — язычник непутевый. Устраивает любимой дочери-красавице исключительные условия её быта, но она логическим ходом мысли приходит

к разумению о наличии в мире Единого Творца, начальника жизни — и обретает Христа. И становится невестой Христовой, вопреки окружающим обстоятельствам.

И ещё есть пословица: «Пути Господни, неисповедимы». И на Его путях жизнь человеческая гораздо интереснее, чем жизнь по человеческим схемам.

Вам, случайно, не звонили с «того света»? А если бы позвонили? Вы бы не поверили? А вот бывает же такое...

Первый звонок был ещё даже «не с того света», а когда покойница лежала в гробе, и завтра её должны были хоронить... Две внучки сидят в углу недалеко от гроба, скорбят, прощаются со своей любимой бабушкой, с которой они были близки более чем с мамой. Мама у них умерла совсем молодая. Сегодня им обеим перевавило за двадцать...

Только что они по очереди читали Псалтирь, а теперь тихо сидят и отдыхают. Впереди ночь — они ещё будут читать... Вдруг прозвучал телефонный звонок. Из кухни прибегает дочь покойной, их тётя (сестра их отца) и возмущенно говорит: «Что вы делаете, девочки? Зачем вы нажали кнопку?»

Девочки в недоумении: «Тетя Катя, вы что? Мы и не думали».

Буквально за три дня до смерти, когда покойница не только не поднималась, чтобы самостоятельно сесть, но даже и голосом позвать близких была не в состоянии, сын купил такое устройство-звонок (я вот и не знал, что такое существует, думал что есть только звонок-колокольчик) и объяснил слабеющей маме: «Хочешь позвать, нажми кнопку».

Так получилось, что покойница, будучи всегда тихой и сдержанной, боящейся лишний раз побеспокоить даже внуков своих, ни разу не воспользовалась таким устройством. И вот. Можете себе представить?.. Может, Ангел Божий, может, душа её «желает сказать», что она здесь, с нами рядом...

Один сын не удивился... Он ей, маме своей дорогой, говорил: «Мама, ты не думай, что всё заканчивается со смертью. Всё будет только начинаться».

— И правда... Вы знаете, батюшка, через какое-то время, как бабушка затихла и отошла, лицо её изменилось. У неё как бы поднялись брови, на лице появилась выражение удивления. Она что-то увидела, и это отразилось на её лице...

И ещё, когда уже похоронили, было несколько звонков...

— Последний звонок был в день Ангела тети Кати — 7 декабря (Великомученицы Екатерины). Умерла бабушка 24 ноября. Похоронили её (по завещанию) в Кадницах. Там и дедушку похоронили. Мы все очень любим это место. У нас там был летний домик, и хотя он сгорел, к большому нашему сожалению, привязанность к Кудьме и Волге не пропала.

Бабушка очень тосковала по Кадницам. После пожара и могли бы поехать, болезнь ещё не проявилась, но некуда было.

А ныне тело её обрело пристанище, и душа будет радоваться, потому что мы же туда непременно будем ездить на её могилку. Там и дедушка похоронен, они теперь вместе... Должно быть и духовно, тоже.

Любопытное и печальное, на мой взгляд, наблюдение. В воскресенье 26-го ноября за Литургией читали притчу о Милосердном самарянине и рассуждали, что «ближний» — тот, кто оказался рядом и кому нужна помощь... И не взирая на его «цвет кожи», веру, гражданский статус, мы должны (по заповеди, да и по совести — там ведь должно «ёкнуть» — прислушайся) ОКАЗАТЬ посильную помощь. (В жизни, как и в прочитанной притче, если не поможешь, может случиться смертельный исход). И вот мы читаем священную притчу (через апостола,

как бы от Самого Христа), и как мы её услышали? Как мы её применили в жизни, если вдруг похожее, хотя бы чуть-чуть, обстоятельство?

Буквально в этот же воскресный вечер звонит мне одна прихожанка (благочестивая, старательная, давно воцерковлённая, казалось бы, опыт некоторый, в духовном смысле, имеющая) и просит то ли совета, то ли благословения. К ней пришла знакомая, у которой духовный стресс (всё валится из рук, ничего не делается — давно длится такое состояние), и вот вопрос: «Можно ли, батюшка, за неё помолиться? Можно ли почитать и что чтобы ей помочь?..»

Мне неудобно было делать слишком долгую паузу (неправильно поймёт), но так и хотелось закричать в мобильный телефон: «Ну для кого же мы, и зачем читали за Литургией притчу? Для кого?.. А ты её жалеешь?.. Так почему же нельзя-то? Христос в притче говорит чётко и ясно — Да!.. А мы у батюшки спрашиваем. Ну как же мы слушаем? И что УСЛЫШАЛИ? Или невнятно читали?.. Тогда надо дома заглянуть в Евангелие, в тот или иной день прочитанное... А если бы батюшка не услышал звонка?..»

Правда, сам я, когда поостыл, то подумал: «А ты-то помолился бы?.. Показалось, что помолился бы...»

Итак, вывод: Евангельские притчи, говорящие нам о любви к ближнему, нами никак, ни в какой, даже самой малой мере, не выполняемые, становятся «эхом», пустым звуком («в одно ухо влетело, в другое вылетело») и, стало быть, «поруганным» — не давшим плода, «упавшим на каменистую почву нашего сердца... и скоро увядшим».

30 ноября 2017 года

«Господи, даждь ми память смертную и умиление...» — говорят святые отцы.

«Умение умирать или искусство жить» есть фраза благочестивого писателя — архимандрита Рафаила.

В последнее время, какой бы темы не касался разговор между близкими или друзьями, всё время свербит мысль об уходе. Без паники, а просто по интересу.

У нашей внучки лет шесть назад, в год её выпуска из Художественного училища, две подружки (они все трое поступали в строительный институт на архитектурное отделение), внезапно умерли. Одна перед первым сентября (поступила с отличным баллом) разбилась на автомашине, а другая, кажется, через полгода после трагической смерти подруги умерла тихо. Легла спать и не проснулась... И таких подобных «неожиданностей» много случается рядом. И как бы то ни было, тема эта у нас перед мысленным взором нашим тревожит и беспокоит... напоминает о себе, хотим мы того или не хотим.

На днях звонит по телефону Галина (художница, воцерковлённый человек — трудница и примерная христианка) и сообщает: «У нас в Спасской церкви умер псаломщик... Так они с женой красиво пели!.. Первого января (муч. Вонифатия) отслужили. Всё хорошо и ладно... И вдруг, уходя с клироса, повалился — парализовало. Ноги отказали. Его понесли к выходу, он ещё шутил, что-то говоря, а ночью умер. Семьдесят семь лет. Так все плакали. Завтра будем хоронить. Звать Анатолий, помяни», — закончила свою печальную весть Галина. Добавив: «Так много умирает людей... И мы уже такие старые и болящие».

Старые и болящие, и ожидающие, но не готовые... А кто готов? Даже святые люди, заканчивая свой земной путь, непрестанно повторяли: «В покаянии приими мя», «Господи, дай мне память смертную и умиление».

«Приближается Рождество Христово... Как нам встретить наступающий Праздник? В тишине совершалось это событие...

В такой тишине, что чистым душам Вифлеемских пастухов слышно было ангельское пение... Мы должны внести мир и тишину в своё сердце...

Обычная предпраздничная суета не согласуется с духом этого События...

Надо поразмыслить над Евангельским рассказом о Рождестве Спасителя...

Думая об убогой обстановке рождения Предвечного Младенца, как не прийти к мысли о значении смирения?..»

(Настольная книга священника, т. 5, стр. 147, протоиерей Амфиатеатров, М. 1910 г.)

Совершая Божественную Литургию и вспоминая в очередной раз, Милостью Божией, это единственное в своём роде Божественное Событие, будем стараться — строить свою душу в радости о явлении в мир Христа и с ним Христианства!

А что принесло в мир Христианство? Смотря, кто будет отвечать. Православные во всём мире ответят: «Вся наша цивилизация основана на христианской платформе, христианском основании». Хотя Европа сегодня хочет жить без Христа...

Кроме культуры светской — возьмите литературу, архитектуру, искусство, музыку — христианство имеет огромную сокровищницу богословской и святоотеческой мысли...

Вот к примеру:

Один человек восторгается прочитанным о Иоасафе Белгородском и делится с нами своими впечатлениями, говоря: «Какие современные слова, как будто он сказал их для нас только вчера. А ведь он, кажется, современник А.С. Пушкина».

«Как не далеко от нас находится вечная жизнь, христоносный слушатель?

Только с двумя ступенями лестница стоит перед старающимися дойти до неё.

Эти ступени, я разумею, любовь к Богу и сродную с ней любовь к ближнему».

Как дойти до такой лестницы? Господь обстоятельствами жизни тебя к ней подведёт.

Мы, правда, знаем, что Господь многих «подводит к спасительной лестнице», но не всякий уразумевает, и очень многие из нас, в силу слабости своего, просто от этой лестницы спасительной уходят.

Но вот попадаете же подчас та самая литература (тот самый случай из жизни), которая подтверждает актуальность, на этот раз, слов Иоасафа Белгородского, и значит, жизненность заповедей Христовых. Примеров таких встречается много, но мы чаще всего проходим мимо них, озабоченные своими проблемами.

Рассказывает один столичный писатель, режиссёр-документалист о встрече с удивительным человеком, «вставшим у такой спасительной лестницы, и с радостью понёсшим свой жизненный крест...»

Автор строчек, которые я выборочно процитирую, часто ходил одним своим маршрутом через парк, посещая друга. И встречал там женщину с коляской. Почти всегда она шла навстречу... «Она всегда улыбалась. Улыбка её была странная, словно она совершила что-то запретное и вот-вот попросит прощения»... Это продолжалось долго. Сначала коляска была для младенца, потом сидячая...

Однажды мы остановились оба, и очень близко... Прежде я смущался и избегал разговора, а сейчас стало невозможно избежать этого: «Она стояла, глядя мне в глаза, и с неизменной улыбкой тихо произнесла:

— У него ДЦП. Церебральный паралич.

— Я вижу, — сказал я, не находя других слов.

— Значит, вы знаете, что это такое?

Я утвердительно кивнул».

И больше я ничего не нашёл, что сказать, и ругая себя, побрёл...

Причина смущения была проста:

«Она была красива... не в современном понимании, а той благородной красотой, являвшей до недавнего времени женский идеал...»

«Она улыбалась, словно просила прощения... что у неё такой ребёнок... Возраст её определить трудно. Ей могло быть... Но больше всего поражали её глаза...»

Однажды получилось так (её ребёнок сколько-то шёл рядом с ней и с коляской), что они встретившись... сели на скамейку... и получился подробный рассказ её...

«Я простая школьная учительница литературы...»

Оказалось, что она с ребёнком ходит в Александро-Невскую Лавру и видела его там...

«Когда я уговорю Лену, чтобы она посидела с Сёмушкой, то хожу и в другие церкви...»

— А кто эта Лена?

— Его мать. Моя дочь...»

И всё с той же улыбкой рассказала всю их историю... (добавив, что он первый человек, которому она рассказала).

«До рождения Сёмушки в их семье было двое мужчин... Когда узнали о болезни, они по очереди ушли.

...Она сама не понимала, почему это маленькое слабое тельце заполнило её сердце». Она ушла с работы, и целый день проводила с внуком. Он был ей бесконечно дорог.

«Когда он смотрел на неё своими поблекшими глазками, полными любви и страдания, ей казалось, что сам Христос смотрит на неё. И её сердце замирало. Ничего подобного она не испытывала, общаясь с дочерью, когда та была в младенческом возрасте. Она почувствовала присутствие Божие в её жизни. В молитвенном чувстве, почти никогда не оставлявшем её, она получила великое утешение и радость.

С тех пор улыбка не сходила с её лица. Люди принимали её за чокнутую, за блаженную. А она и впрямь ощущала себя блаженной... Никто не говорил ей о Боге. Он сам позвал её, и она услышала Его зов. Помимо молитвы — простой, своими словами — она стала ходить в храм. Потом она узнала об Иисусовой молитве и нашла ещё большее утешение в этом коротком прошении: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». (Из рассказа «Ведро незабудок» А. Богатырёва).

Когда читаешь такое, умилению нет конца. Есть же такие люди! И удивлению тоже. Как хватает им терпения, чем они подкрепляются?

Вспоминаются две подобные семьи на Бору. В одной 17 лет назад девочка родилась с виду нормальная, но слепая и немая, а взрослая стала ещё и буйная. Бедная бабушка всё время с ней, и тоже улыбчивая...

— А родители где?

— Долго, батюшка, рассказывать... Любовью назвали. Мы с дедом любим её, и скучаем, когда её забирают. Теперь вот на подольше забрали, дед-то наш, видите, заболел...

Это было сказано на пороге, когда я уходил, причастив его.